

УДК 811.111'42:821.111-31. ББК Ш300.1+Щ33(4Вел)5-8,444.
ГРНТИ 16.21.27; 17.07.29. Код ВАК 5.9.8; 5.9.3

КАТЕГОРИЯ ЭВОКАТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ИНТЕРДИСКУРСЕ

Дзюба Е. В.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

SPIN-код: 6106-5500

Рябова И. Ю.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

SPIN-код: 2660-0204

А н н о т а ц и я . Исследованию подвергается категория эвокативности, рассматриваемая здесь как явление интердискурса – лингвосоциокультурного пространства, формирующегося на границе двух взаимодействующих дискурсов: художественной литературы и права. Цель исследования – изучение специфики функционирования категории эвокативности, отраженной в художественном тексте судебно-правовой проблематики. При этом реализация рассматриваемой категории осуществляется посредством определенных когнитивных механизмов и специального языкового инструментария, единство которых позволяет воплотить процесс эвокации в тексте как репрезентанте интердискурса. Предмет исследования – типология и особенности реализации категории дискурсивной эвокативности в романе как форме технически репродуцируемого отображения правовой реальности. Материал исследования – роман Ч. Диккенса «Холодный дом», вскрывающий изъяны судебной системы Англии в конце XVIII – начале XIX вв. в эпоху становления буржуазного общества. Результатом эвокационной коммуникативной деятельности автора, направленной на углубление знания читателей в сфере права, становится гибридный текст. Гибридность как имманентное свойство текста, функционирующего в интердискурсе, обуславливает интеграцию знания из разнородных концептуальных областей, включение новых для романного жанра техник повествования, альянс языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста, смешение элементов разных стилей речи, диалог разных типов социально-языкового сознания. Обращение к разным типам социально-языкового сознания реципиента, создание «зримого» объемного образа правовой реальности, использование особых языковых средств – все это подчинено единой эвокационной программе автора – трансформировать концептуальную картину мира своего слушателя. Данная трехкомпонентная программа (деавтоматизация сознания, конструирование новых образов действительности, выбор прагматически заряженной лексики) реализуется в разных типах эвокативности: когнитивном, образно-поэтическом, собственно языковом. Саркастически-юмористическую природу повествования в романе формирует когнитивно-дискурсивный механизм иронии-как-эха, заключающийся в отсылке (упоминании) к ранее высказанному или еще не освещенному, но неопровержимому факту исторической действительности, представленному с позиции мировидения автора-создателя романа. Данный механизм иронии-как-эха актуализируется в ряде лингвоситуативных средств – «эхо-упоминаний», порождающих креативное эвокационное усилие реципиента, результатом которого становится включение новых концептов (или их отдельных характеристик) в его концептуальную картину мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а : интердискурс; гибридный текст; эвокационная коммуникативная деятельность; категория эвокативности; типы эвокативности

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дзюба, Е. В. Категория эвокативности в художественном тексте и интердискурсе / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 24–39.

THE CATEGORY OF EVOCATION IN THE LITERARY TEXT AND INTERDISCOURSE

Elena V. Dziuba

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Irina Yu. Ryabova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5904-8971>

Abstract. The research deals with the category of evocation, viewed on as a phenomenon of interdiscourse – a linguosociocultural space, formed on the borderline between two interacting discourses: fiction and law. The aim of the paper is to study the specificity of the functioning of the category of evocation reflected in literary legal and judicial texts. It should be mentioned that this category is realized through certain cognitive mechanisms and special language tools the unity of which makes it possible to embody the process of evocation in the text as a representative of interdiscourse. The object of this research covers the typology and specific features of the realization of the category of discursive evocation in the novel as a form of technically reproduced reflection of legal reality. The factual material of the study includes the novel “Bleak House” by Charles Dickens which reveals the flaws in the judicial system of England in the late 18th and early 19th centuries in the epoch of the formation of bourgeois society. The famous author’s evocative communicative activity, aimed at deepening the readers’ knowledge in the field of law, results in a hybrid text. Hybridity as an immanent property of a text functioning in interdiscourse determines the integration of knowledge from heterogeneous conceptual areas, the inclusion of new narrative techniques for the novel genre, the alliance of language markers of legal discourse and units of a literary text, the mixing of elements of different speech styles, and the dialogue between different types of socio-linguistic consciousness. The appeal to different types of the recipient’s socio-linguistic consciousness, the creation of a “visual” three-dimensional image of the legal reality, the use of special linguistic means – all these are subject to the author’s evocative program – to transform the listener’s conceptual worldview. This three-component program (deautomatization of consciousness, construction of new images of reality, choice of pragmatically “charged” vocabulary) is realized in different types of evocation: cognitive, figurative-poetic, and linguistic proper. The sarcastic-humorous nature of the narrative in the novel is formed by the cognitive-discursive mechanism of irony-as-echo that consists in reference (mention) to a previously stated or not yet elucidated, but irrefutable fact of historical reality, presented from the point of view of the author (creator) of the novel. This mechanism of irony-as-echo is represented in a number of linguosituational means – “echo-mentions” – that generate the recipient’s creative evocative effort that results in the inclusion of new concepts (or their individual characteristics) in their conceptual worldview.

Keywords: interdiscourse; hybrid text; evocative communicative activity; category of evocation; types of evocation

For citation: Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2023). The Category of Evocation in the Literary Text and Interdiscourse. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 24–39.

Вводные замечания

Коммуникативно-когнитивное воздействие автора на читателя художественного текста предполагает передачу информации, организованной особым лингвосомиотическим образом. Процесс коммуникации нацелен на формирование не только художественно-образной картины мира, отраженной в тексте, но также концептуальной картины мира реципиентов как дискурсивного феномена. Представая в аспекте социального взаимодействия, художественный текст с острой общественно значимой проблематикой реализуется на разных уровнях: межличностном (общение людей с отчетливой гражданской позици-

ей), групповом (взаимодействие специалистов в области социальных – правовых, политических и под. – отношений и несведущей в данных вопросах публики); институциональном (взаимодействие гражданского общества и социальных институтов). Перечисленные аспекты коммуникации отчетливо прослеживаются в романе Ч. Дикенса «Холодный дом» (1853 г.), вскрывшем глубокие изъяны судебной системы Англии эпохи становления буржуазного общества, и формируемом вокруг него художественно-правовом дискурсе того периода. Выбор произведения обусловлен тем, что данное литературное произведение является ярким примером реализации

конструктивно выстроенной эвокационной авторской программы (от англ. *evoked – bring or recall (a feeling, memory, or image) to the conscious mind* [АВВУ Lingvo 6]) – выявить несовершенства правовой сферы, представить их в остро-сатиричной форме с целью трансформации концептуальной картины мира реципиента. Все события в романе разворачиваются на фоне бесконечной судебной тяжбы, рассматриваемой Канцлерским судом более полувека. Бездействие чиновников, всеобщая путаница, несправедливость судопроизводства – все это Канцлерский суд, он становится символом формализма и бюрократизма в стране. Роман Ч. Диккенса – текст с доминантной юридической сюжетной линией, который функционирует в интердискурсе (далее – ИД), т. е. на стыке двух концептуальных областей: открытой широкой аудитории области художественной литературы – с одной стороны, и закрытой, узкоспециальной области права – с другой стороны. Его создание рождается из ощущения остроты проблемной ситуации (здесь – социально-правовой), требующей особого внимания и последующего незамедлительного решения со стороны разных социальных институтов (общества, государства, права).

Отметим, что под ИД мы понимаем единое гетерогенное лингвосоциокультурное пространство, сформированное на стыке разных типов дискурса (здесь: правового и художественного), во многом обусловленное исторической реальностью, или т. н. социальными вертикальным контекстом [подробнее см.: Дзуба, Рябова 2022а]. «Пропущенная» сквозь призму индивидуально-авторского мировидения и мирозерцания правовая реальность приобретает в тексте романа неповторимую художественно-образную обработку, требующую от писателя для создания «визуального» эффекта подлинности описываемых событий, интеграции знания из разнородных концептуальных областей. Результатом подобного рода интеграции становится гибридный текст, который, во-первых, выступает репрезентантом инклюзивной практики неконвенциональных для романного жанра техник повествования, во-вторых, фиксирует объединение в рамках одного контекста языковых

маркеров юридического дискурса (т. е. фактов профессионального языка) и единиц художественного текста (фактов поэтического языка), в-третьих, способствует посредством перечисленных механизмов деавтоматизации различных типов социально-языкового сознания: общественно-го, правового, лингвокреативного (художественного).

Гибридный текст, в основу которого положена конструктивная идея его создателя осветить в художественном тексте проблемы скрытой от широкой аудитории юридической сферы и содействовать разрешению имеющихся в этой области острых проблем, продуцирует новое для реципиента знание, которое он (реципиент) способен включить в сферу своих личных переживаний. Установка автора текста на формирование у читателя новых концептов, их включение в имеющуюся концептуальную картину мира с целью ее последующей трансформации обуславливает эвокационный характер коммуникативной деятельности в координатах «автор – реципиент», а также эвокативную природу результата такой деятельности, т. е. текста. Подчеркнем, что под эвокацией мы понимаем процесс создания текста, способного всколыхнуть воспоминания, факты исторической реальности, взволновать; эвокативностью считается свойство, качество, природа такого текста.

Актуальность работы обусловлена тем фактом, что наряду с традиционным пониманием эвокативности как имманентного свойства речи (в том числе художественной) данный феномен рассматривается в ИД как категориальный – в единстве реализации его когнитивной, образной и языковой составляющих. **Цель** исследования – изучение специфики функционирования категории эвокативности на различных уровнях тексто- и смыслопорождения: когнитивном, образно-поэтическом, собственно языковом. Предмет исследования – типология и особенности реализации категории дискурсивной эвокативности в романе как форме «технически репродуцируемого отображения» правовой реальности [Инишев 2012].

Теоретико-методологическая база исследования

Данная работа выполнена в русле ко-

гнитивной лингвистики в рамках двух подходов – когнитивно-дискурсивного [Будаев 2016; Дзюба, 2022b; Кибрик 2003; Кушнерук 2019; Пешё, Серио 1999; Солопова 2021; Чудинов 2020; Van Dijk 2004 и др.] и семантико-когнитивного [Бабенко 2006; Бабушкин 2018; Болдырев 2018; Кретов 2006; Попова, Стернин 2007; Dziuba 2015 и др.]. В исследовании также применены достижения в области «эвокационных исследований» [Беда-нокова 2017; Коновалова 2016; Чувакин 2014] и осуществлена экстраполяция теории «ирония-как-эхо», разработанной Д. Спербером и Д. Уилсоном, на ряд положений, отражающих особенности художественно-образной реконструкции правовой действительности в романе [Sperber, Wilson 1981, 2012]. Для достижения поставленных задач применяются общенаучные методы (гипотетико-дедуктивный, таксономический, метод анализа и синтеза), а также лингвистические и лингвокогнитивные методы (когнитивного и эвокационного моделирования, когнитивно-дискурсивного, контекстуального, концептуального, структурно-семантического, компонентного, дефиниционного анализа).

Под эвокационным моделированием понимается схематическое представление процесса «перенесения» дискурса в иную (вторичную) коммуникативно-социальную сферу [подробнее см.: Василенко 2007]. Метод эвокационного моделирования позволяет уточнить механизм осуществления репрезентативной функции языка в свете «осложненной» лингвоситуативной коммуникации, нацеленной на расширение концептуальной картины мира реципиента через оценочное переживание воссоздаваемой в тексте реальности, при этом компоненты эвокационного коммуникативного акта (языковые средства, авторские дискурсивные стратегии и тактики речевого воздействия др.) находятся в креативной связи. Метод когнитивного моделирования используется для реконструкции корреляционных связей между различными типами социально-языкового сознания, а также совместно с концептуальным анализом находит применение при реконструкции концептов правовой действительности с опорой на экстралингвистические факторы эвокационной коммуникативной деятельности (далее – ЭКД). Гипотетико-дедуктивный метод позволяет выдвинуть

гипотезу о функционировании особого категориального феномена эвокативности, отраженного в аллюзивно-образной составляющей художественного произведения и в спектре языкового инструментария автора. Таксономический метод дает возможность выделить типы эвокативности в рамках данной категории. Концептуальный анализ позволяет выявить новые смыслы и коннотации, интегрированные в концептуальное пространство ИД. Контекстуальный анализ призван описать взаимодействие языковых средств в аспекте кооперации двух дискурсов, двух языковых кодов – права и художественно-эстетического творчества – в тексте романа, нацеленного на «переигрывание» литературой действительности» [Чувакин 2014: 18]. Структурно-семантический метод позволяет уточнить возможные импликации лексических единиц в дискурсивном пространстве, существующем на границе двух концептуальных областей, и выявить экспрессивно-оценочный потенциал языковых средств.

Специфика эвокационной коммуникативной деятельности автора в тексте и интердискурсе

Под ЭКД в данном исследовании понимается вид коммуникации, который неотделим от конкретной ситуации, имеет преобразовательный характер, выполняет задачу конструирования историко-правовой реальности в текстах и сознании реципиентов. Данный вид коммуникации, осуществляемый посредством литературного произведения, представляет собой частный вид духовно-практической деятельности. Созданию любого текстового полотна, особенно социально «заряженного», предшествует намерение автора, которое затем объективируется в решении им эмоциональной и мыслительной задач. Т. М. Дридзе замечает: «Предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция общающихся, т. е. не смысловая информация вообще, а смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением» [Дридзе 1984: 57]. Данное умозаключение акцентирует внимание на интерпретирующей, рефлексивной природе деятельности реципиента. К. Бюлер, постулирующий триединство функций языка – репрезентацию, экспрессию и

апелляцию, отмечает: «... в создании речевой ситуации не только отправитель как деятель процесса говорения, отправитель как субъект речевого акта, но и получатель как тот, к кому обращаются, получатель как адресат речевого акта имеют свои собственные позиции. Они являются не просто частью того, что может быть предметом сообщения, но партнерами по общению, и поэтому в конечном счете возможно, что посреднический звуковой продукт обнаружит свою собственную знаковую связь с тем и с другим» [Бюлер 1993: 32].

Синтез и транслирование знаний о мире правовых реалий при помощи художественного дискурса воплощается в сложно организованном, когерентном речевом произведении, которое акцептирует в единое текстовое и смысловое пространство разнородное знание: личный и профессиональный опыт автора, индивидуальные фоновые знания реципиента, энциклопедические знания обеих сторон, фактические сведения о событии и многое другое. Преобразовательные потенции человеческой деятельности придать разнородному знанию общий эмоциональный заряд и оценочно-экспрессивную окраску базируются на внутренних ресурсах художественной литературы осуществлять эстетическое воздействие. Д. Лукач делает акцент на сознательной ориентации эвокативных элементов на ту или иную цель, продуманное и целесообразное их комбинирование, упорядочение, усиление и т. д.; ср.: «В человеческом общении эвокация и аргументация непрерывно чередуются, сменяют друг друга соответственно цели, ситуации и т. д. ... Мы имеем дело не с тем или другим реальным эпизодом действительности (или их связью), а с конкретным целым, с ансамблем, и воспринимающий знает, что это целое как таковое не является действительным, но выступает как отражение действительности в ее целостности...» [Лукач 1986: 55]. Аргументация, содействующая оказанию эстетического воздействия, в социально значимом художественном произведении становится центральным и неотъемлемым элементом эвокационной деятельности, нацеленной на эффективную реализацию «технически» продуманной авторской концепции.

По замечаниям Т. М. Дридзе, «приро-

да текстовой деятельности не столько абстрактно-логическая (рациональная), как порой полагают, сколько интуитивно-образная, независимо от характера текста и формы воплощения замысла автором» [Дридзе 1984: 72]. Категория эвокативности, помимо привлечения аргументативного компонента для своей реализации в тексте, осуществляется посредством ассоциативных механизмов речемыслительной деятельности, которые стимулируются изначально предметно-образным восприятием мира. Данный тип восприятия позволяет максимально сблизить в сознании реципиента две концептуальные области – права и художественной литературы, выстроив диалог между эстетическим и логическим, реальным и фикциональным. Именно диалогичность как свойство текста, результата эвокативной деятельности, по замечаниям М. А. Деминовой, «создает интеллектуально-ценностные позиции» [Деминова 2002: 28]. Ассоциативно-образное мышление, таким образом, в рамках художественного текста позволяет решать в том числе интеллектуальные задачи.

Ориентированная на своего «зрителя», не лишенная эмоциональной образности и эстетического воздействия ЭКД со стороны автора – это аргументативно выстроенная и эмоционально-духовная практика конструирования конкретной историко-правовой реальности в художественном тексте. ЭКД для реципиента – рефлекслирующая, интерпретирующая практическая деятельность, результатом которой становится решение интеллектуальных задач, и ведущая к трансформации (расширению) его концептуальной картины мира, в частности – в области правовых реалий. С позиции двух ключевых подходов к исследованию – когнитивно-дискурсивного и семантико-когнитивного – обозначим результат ЭКД автора и реципиента: взаимодействие «человека говорящего» и «человека слушающего» есть способ конструктивного содействия решению социально значимого вопроса. Используя «заточенные» на оказание эстетического воздействия средства языковой репрезентации, автор-эвокатор не просто участвует в создании общественных ориентиров (идеалов, ценностей и норм), он «пропагандирует» определенное общественное отношение к ним со

стороны читателя – гражданина и члена конкретного сообщества, субъекта правовой деятельности и объекта воздействия на него правовых институтов.

Типология категории эвокативности в тексте и интердискурсе

Эвокативная деятельность субъекта (в частности автора), осуществляемая с опорой на аргументацию, имеющая пропагандистский заряд, тем не менее способна порождать множественную, осложненную, неоднозначную интерпретацию (как смысла содержания, так и смысла формы), которая требует особого рассмотрения и идентификации. В ИД, функционирующем на границе двух разнородных концептуальных областей, и, как следствие, в тексте романа – репрезентанте ИД – эвокативность рассматривается как системообразующая категория, репрезентирующая слияние взаимодействующих дискурсов на трех уровнях смыслопорождения: когнитивном, образном и собственно языковом.

Когнитивный тип эвокативности апеллирует к теории гибридации, разработанной М. М. Бахтиным, синергетической природе ИД и взаимодействию разных типов социально-языкового сознания в рамках одного эвокативного коммуникативного акта. На этапе «столкновения» с новой, незнакомой реципиенту реальностью важным становится мысленное представление события интегрированного пространства – именно в этот момент эвокативного коммуникативного акта происходит расширение концептуальной картины мира реципиента: в работу включаются новые концепты правовой реальности, формируются четкие представления о незнакомых (скрытых от широкой аудитории) объектах действительности. Когнитивный тип эвокативности представляет собой «когнитивную модель и особую речезыковую форму», которая «предполагает постоянное “приращение смысла” на основе синтеза структур, принадлежащих двум базовым пространствам» [Беданокова 2018: 24].

Литературное произведение (по сравнению с другими речевыми произведениями) характеризуется высокой степенью энтропии смысла, т. е. некоторой неупорядоченностью информационного потока, свободой мысли и ее выражения. Постро-

енный на принципах интердискурсивности и интертекстуальности любой эвокативный дискурс, в том числе и его репрезентант – текст, характеризуется асимметрией плана выражения и плана содержания в силу богатой имплицитности транслируемых значений, что является одним из оснований энтропии смысла. По замечаниям З. К. Беданоковой, «... часто оказывается, что язык предназначен не столько для того, чтобы выразить мысль, сколько для того, чтобы скрывать ее» [Беданокова 2017: 174]. Однако отметим, что именно принцип асимметрии в синергетической системе языка художественного текста становится маркером эволюции текстового пространства, позволяющим в полном объеме репрезентировать знание о концептах иной, правовой, реальности, – так возникает «динамичная репрезентация даже для застывших ситуаций, объектов» [Демьянков, Кубрякова 2007]. На границе эксплицитного и имплицитного, реального и фиктивного формируется когнитивное креативное усилие реципиента. Следовательно, когнитивный тип эвокативности раскрывает сущность лингвокреативного познания правовых реалий, где доминантным механизмом выступает механизм инференции. Лингвокреативное познание правовых реалий посредством художественного текста, функционирующего в эвокативной среде ИД, эффективно осуществляется за счет взаимодействия различных типов социально-языкового сознания: правосознания и ассоциативно-образного, читателю и реформаторского, революционистского и «карнавализованного», базирующихся на «участном» мышлении автора и читателя.

По замечаниям Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкова, знаковая природа репрезентации позволяет говорить как об иконических репрезентациях («image-like» представлениях), так и о символических (принадлежащих царству знаков «language-like») в сознании человека [Демьянков, Кубрякова 2007: 15]. На основании данного умозаключения обозначим возможность выявления **второго типа эвокативности – образно-поэтического**, связанного с образно-интуитивной природой эвокативного коммуникативного акта.

И. Инишев отмечает: «Образ как само-

стоятельная область смыслоформирования ... представляет собой универсальную модель зримости» [Инишев 2012]. Автор также подчеркивает, что «образы – это не только символические репрезентации социальных и политических отношений, требующие семиотической дешифровки. Образы – это и семантически перенасыщенные материальные поверхности, конструирующие социальные связи. Так понимаемые образы требуют в качестве адекватного способа доступа к ним не аналитической дистанции, а осуществляемого с аналитическими намерениями (выделено нами – Е. Д., И. Р.) перцептивного погружения» [Инишев 2012]. Следуя за мыслью философа, в новом лингвоментальном пространстве – романе, уникальным образом «сконструированном» на границе двух дискурсов для реализации прагматически выстроенной концепции автора с целью создания правовой картины мира, приближенной к реальности, традиционный художественный образ заменяется «экспозиционной ценностью» технически репродуцируемого отображения. Автор акцентирует особое внимание на том факте, что «восприятие образа – это разновидность не только интеллектуальной, но и телесной “впутанности”» [Инишев 2012]. Особой важностью для исследования образно-поэтического типа эвокативности становится обращение к механизмам, средствам и внутренним ресурсам образа как экспозиционной ценности реконструированного отображения действительности, за счет которых достигается «контакт» с реальной исторической действительностью.

В рамках эвокационного коммуникативного акта глубина значимости и функционал образного компонента в структуре романа усложняются: образы становятся «провокаторами» стихий культурной памяти общества, коллективного сознания или индивидуального опыта, непосредственного сиюминутного переживания, часто вспыхивающих мгновенно. О. А. Кривцун замечает: «И эстетика, и художественная практика осознано и неосознанно пришли к пониманию того, что все выраженное опосредованно косвенно способно заряжать нас более сильной эстетической энергией, чем то, что излагается прямо, непосредственно», в итоге углубляя в нас (чита-

теле, авторе) «меру понимания окружающего» [Кривцун 2000: 102–103]. Приобретая роль дидактически ориентированного вида искусства, художественная литература (посвященная проблематике узкоспециальной области знания) для продуктивной реализации образного элемента использует в своем арсенале тактику подражания (имитации) – художественный мимесис. Основным языковым приемом реализации мимесиса в художественном тексте является метафора (как частный случай процесса гибридизации), «скрещивающая» две разнородные области и обладающая уникальной экспозиционной ценностью для эвокативной структуры текста. Обозначим, что эвокативная структура текста отражает сущность социально значимого знакового общения в пространстве ИД. Данная структура включает следующие компоненты: объект эвокации (глобальная историческая эпоха), средства эвокации (языковые и ситуативные средства языка), продукт эвокации (текст романа), эвокационная микро- или макроситуация (конкретная историческая ситуация, репрезентированная в романе), эвокатор (автор текста, «человек говорящий»), интерпретатор (читатель, «человек слушающий») [подробнее см.: Василенко 2007].

Эвокационный коммуникативный акт в рамках знакового общения реализуется в романе в эвокативных языковых формах, репрезентирующих **собственно языковой тип эвокативности**. Данный тип базируется на представлении процесса эвокации как вида лингвоситуативной коммуникации, согласно А. А. Чувакину, осуществляемого «взаимодействием языковых и ситуативных средств..., находящихся в креативной связи», где «механизмом креативной связи является механизм сигнализации» [Чувакин 2014: 27]. Ситуативные в широком смысле слова – связанные с ситуацией общения – визуальные, аудиальные, соматические и др., в узком смысле – дополняющие «коммуникативно несамодостаточный» языковой компонент (А. А. Чувакин). Эвокативная языковая форма как знак, маркированный семантической неоднозначностью и усложненностью своей формы, включает следующие компоненты: коннотация, игровая природа, имплицитность. Пример такого рода лингвоситуативной коммуни-

кации – конструкции с чужой речью: цитация (скрытая и явная) и гибридные (в терминологии М. М. Бахтина) конструкции, в которых демаркатором на текстовом уровне выступают рамочные «метки» (например, тире или скобки) [Бахтин 2012: 61].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что когнитивный тип эвокативности в самом широком смысле слова представляет способность человека контаминировать (интегрировать) полярные смыслы в едином гетерогенном смысловом поле. Динамический процесс переключения между различными типами социально-языкового сознания создает условия для креативного эвокационного усилия реципиента. Образно-поэтический тип эвокативности позволяет реципиенту углубиться в содержание художественного текста. Эвокативная образность художественного текста, ориентированного на реконструкцию исторической правовой реальности, характеризуется экспозиционной ценностью технически репродуцируемого отображения, в котором аксиологическая компонента «продиктована» конструктивной идеей произведения. Собственно языковой тип эвокативности представляет собой иерархически организованную систему синтаксических и лексических единиц, маркированных семантической неоднозначностью, усложненностью формы и проявляющих эвокативную природу посредством отсылки к реальным общекультурным и судебно-правовым артефактам.

Актуализация категории эвокативности с позиций теории иронии-как-эха

Эвокативность в ИД и тексте романа способствует налаживанию контакта между человеком говорящим и человеком слушающим. ЭКД автора, обусловленная его «участным» мышлением и послужившая основой для создания социального романа, опирается на дискурсивную практику иронии – «семантически и прагматически сложный режим коммуникации, в котором речевые действия говорящего являются сигналом целого комплекса дополнительных смыслов» [Шилихина 2014: 3]. Рассматривая иронию широкомасштабно, как феномен культуры, В. М. Пивоев уточняет: «Реальная ситуация переводится в субъективный план и проигрывается заново по реконструированным правилам...» [Пиво-

ев 2000: 20]. Автор также подчеркивает, что «ирония есть специфическая форма ценностного сознания, выкристаллизовавшаяся в ходе развития культуры в пределах эстетического сознания» [Пивоев 2000: 45]. Ирония в художественном произведении, функционирующем в эвокативной среде ИД, становится механизмом, способным «выругать» действительность в эстетическом ключе, чтобы сформировать у реципиента релевантное к сложной исторической судебно-правовой реальности отношение.

Иронические высказывания, согласно теории Д. Спербера и Д. Уилсона, есть суть «эхо-упоминания»: “There are also cases where what is echoed is not a proposition expressed by the utterance, but *a thought imputed by the speaker to the hearer*... Irony involves echoic mention of *a real or imagined utterance* or opinion... An ironical utterance carries *suggestions of attitude – and sometimes of images* – which cannot be made entirely explicit in propositional form. Analysis of irony as a case of echoic mention crucially involves *the evocation of an attitude*...” – «Существуют такие иронические высказывания, когда то, что упоминается, не является пропозицией, утверждением, выраженным в предложении, а является лишь *мыслью автора, которую он хочет “укрепить” в сознании слушателя*... Ирония включает упоминание *реально существующего* или *воображаемого* мнения, утверждения... Ироническое высказывание несет в себе оттенки *отношения к предмету – иногда образы*, которые не могут быть эксплицированы в форме пропозиции. Исследование иронии главным образом включает изучение *эвокации отношения к объекту*...” [Wilson, Sperber 1981]. В другой своей работе, посвященной разработке теории иронии-как-эха, исследователи акцентируют внимание на онтологической сущности создания иронического высказывания: оно может «дублировать» только что сказанное (близкое или далекое в пространственно-временных координатах) или озвучивать новое, невысказанное, но уже понятное адресанту, т. е. принятое его разумом в собственную концептуальную картину мира: “In other cases, echoic utterances convey the speaker’s attitude not to immediately preceding utterances but to more distant utterances, or to tacitly attributed but unexpressed thoughts” [Wilson, Sperber 2012].

Данная теория, известная также как теория релевантности, позволяет обратиться к ироническому высказыванию не только как к лингвистическому знаку, а как к способу транслирования (цитирования) хорошо известного или нового факта. Релевантность транслируемых автором смыслов, по замечаниям Е. Блэка, верифицируется включенностью нового концепта (или отдельного свойства объекта) в концептуальную картину мира реципиента: "For an utterance to be relevant, it requires only that it make some change in the hearer's cognitive environment" [Black 2006: 83].

Обратимся к когнитивным и дискурсивным характеристикам понятия «ирония-как-эхо». Во-первых, феномен иронии как «эхо-упоминания» апеллирует к коллективному сознанию конкретной нации, в структуре которого выполняет функции нормативно-регулирующие. Он выступает средством ценностной рефлексии, способным сквозь призму диахронического подхода осуществлять оценку перспектив общественного развития (в том числе в сфере судопроизводства в определенный исторический момент), а также корректировку этого процесса. Во-вторых, под «эхо-упоминанием» понимается отсылка к самым разным знаниям реципиента, например к стандартным правилам поведения, судебным практикам и т. д., полное представление о которых формируется в ходе переключения между различными типами социально-языкового сознания. Таким образом, сущность иронии-как-эха (в отличие от иронии в целом) выходит за пределы эстетического сознания (в правосознание, или карнавализованное сознание, или иное). В-третьих, для создания объемного образа автор интегрирует знание и соответствующее отношение к описываемым объектам из нескольких концептуальных областей (не только художественной литературы и права). Данные характеристики иронии-как-эха позволяют рассмотреть иронию в процессе эвокации как единый, целостный когнитивно-дискурсивный механизм, нашедший реализацию в когнитивном типе эвокативности. Образно-поэтический тип эвокативности воплощается посредством данного механизма на глобальном уровне текста в ходе перцепции образов, созданных автором, т. к. пи-

сателю-эвокатору удастся транслировать свое непосредственное, индивидуально-авторское видение ситуации и революционизировать сознание реципиента в процессе моделирования конкретных образов действительности. Собственно языковой тип эвокативности находит отражение в иронически окрашенной лексике, дополнительных коннотациях, зачастую неявных и скрытых имбрикациях.

В рамках данной работы, рассматривающей эвокацию как вид лингвоситуативной коммуникации, обозначим основные лингвоситуативные средства, формирующие категорию эвокативности на когнитивном, образном, собственно языковом уровнях и эффективно реализующие механизм иронии-как-эха: метафора-как-эхо, эпитет-как-эхо, ирония-как-эхо, сравнение-как-эхо и т. д. Перечисленные приемы (в отличие от конвенционального понимания метафоры, эпитета и др.) демонстрируют трагико-иронически осмысленную связь естественной (бытовой) жизни человека с реальной социально-правовой ситуацией и таким образом апеллируют одновременно к разным типам социально-языкового сознания, эксплицируют отношение автора не только как литератора, художественно осмысляющего реальность, но и как представителя иной профессии – правоведа, обладающего богатым опытом работы в сфере юриспруденции и достоверными данными о судебных делах (Ч. Диккенс имел серьезный опыт работы с судебными документами [подробнее см.: Дзюба, Рябова 2022a]). Указанные приемы становятся компонентом индивидуально-авторской аргументативной речеповеденческой тактики, осуществляемой в романе в сатирико-юмористическом ключе.

«Ирония-как-эхо» в романе Ч. Диккенса «Холодный дом»: специфика репрезентации категории эвокативности

Проиллюстрируем взаимосвязь типов эвокативности с когнитивно-дискурсивным механизмом иронии-как-эха на глобальном уровне смыслопорождения в романе Ч. Диккенса «Холодный дом» (подчеркнем при этом, что ирония является одним из ведущих приемов, на которых строится повествование).

Пейзажная зарисовка у Ч. Диккенса обладает абсолютной экспозиционной

ценностью для реконструкции отдельного объекта и общей атмосферы исторической правовой действительности. Обратимся к фрагменту в самом начале романа: *Foot passengers, jostling one another's umbrellas in a general infection of ill temper, and losing their foot-hold at street-corners, where tens of thousands of other foot passengers have been slipping and sliding since the day broke (if this day ever broke), adding new deposits to the crust upon crust of mud, sticking at those points tenaciously to the pavement, and accumulating at compound interest.* [Dickens 2018: 8] / *Пешеходы, поголовно заразившись раздражительностью, тычут друг в друга зонтиками и теряют равновесие на перекрестках, где, с тех пор как рассвело (если только в этот день был рассвет), десятки тысяч других пешеходов успели споткнуться и поскользнуться, добавив новые вклады в ту же скопивишуюся – слой на слое – грязь, которая в этих местах цепко прилипает к мостовой, нарастая как сложные проценты* [Диккенс 1960: 11]. Метафора-упоминание «in a general infection of ill temper» эвоцирует у читателя неразбериху в период становления буржуазного общества, когда перестройке подверглись все сферы жизни общества. Слово «infection» отсылает к области медицины, репрезентируя цепную реакцию в распространении настроений. Отсылка к концептуальной области банковского дела в окказионализмах-метафорах «adding new deposits to the crust upon crust of mud» и «accumulating at compound interest» также становятся отзвуком буржуазного общества, стремящегося сохранить и по возможности приумножить имеющееся богатство. Слово «jostle» наряду с контекстуальным значением – *push, elbow, or bump against (someone) roughly, typically in a crowd* / *грубо толкнуть локтем или ударить (кого-либо), обычно в толпе* – может быть рассмотрено и с позиции беззаветной борьбы (за власть, за жизнь, за правильный исход судебного дела): *struggle or compete forcefully for* / *бороться или жестко конкурировать за* [АВВУ Lingvo 6]. Ироническая ремарка, помещенная в скобочную конструкцию – «if this day ever broke» / «если только в этот день был рассвет» – добавляет абсурда описываемой ситуации, ставя под сомнение непреложную истину.

Отметим, что границы приема «метафора-как-эхо» подвижны и гибки. Все перечисленные языковые средства входят в ее

состав, апеллируя к одной мысли автора – передать общую атмосферу эпохи и настроение обычных «пешеходов» через корреляцию с концептами из других областей знания. На когнитивном уровне данный фрагмент способствует созданию мультипликативного эффекта. Скрещивание различных концептуальных областей (медицина, банковское дело) с областью права позволяет продемонстрировать взаимосвязь разных сфер жизни человека, т. к. в ходе судебных процессов тяжущиеся тратят свою жизнь, губят здоровье (моральное и физическое), сталкиваются с разорением и нищетой. При рассмотрении в образно-поэтическом ракурсе образ грязи, обладающий богатым интерпретативным потенциалом, весьма символичен: грязь «цепко прилипает к мостовой», грязь также цепко липнет к судьям и людям, которые не выдерживают нравственных испытаний. На текстовом уровне эвокация осуществляется в тесной связи с когницией: деавтоматизируется сознание реципиента, и знание о неразберихе общественной жизни в самых разных ее областях экстраполируется на положение дел в судебной системе.

Проследим дальнейшее развертывание пейзажного описания в текстовом фрагменте: *Fog everywhere. Fog up the river, where it flows among green aits and meadows; fog down the river, where it rolls defiled among the tiers of shipping and the waterside pollutions of a great (and dirty) city* [Dickens 2018: 8–9] / *Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях Темзы, где он, утратив свою чистоту, клубится между лесом мачт и прибрежными отбросами большого (и грязного) города* [Диккенс 1960: 11]. В этом отрывке пространственная метафора «верх – низ» усложнена эпитетом-как-эхо «defiled», который вновь отсылает к образу грязи (развивает идею о тумане в предыдущем контексте), хотя и расширяет концептуальное понимание данного явления. Согласно словарю АВВУ Lingvo 6, *defile* – *damage the purity or appearance of* / *повредить чистоту или внешний вид; to defile something that people think is important or holy means to do something to it or say something about it which is offensive* / *осквернить что-то, что люди считают важным или святым* [АВВУ Lingvo 6]. Противопоставление двух «видов» тумана

построено на идее об осквернении природы человеком. Кроме того, подобного рода антитеза может апеллировать и к изменениям в социальном устройстве государства по принципу «раньше – сейчас». В романе «Холодный дом» Ч. Диккенс не раз ссылается на изменения, не предвещающие прогресса обществу: *A debate is not what a debate used to be; the House is not what the House used to be; even a Cabinet is not what it formerly was* [Dickens 2018: 224] / *Дебаты уже не те, какими они были когда-то; Парламент уже не тот, каким он некогда был; даже Кабинет министров не тот, каким он был прежде* [Диккенс 1960: 212]. Контекстуальное значение эпитета «dirty» в данном фрагменте варьируется: 1. *dirty – covered with stains, spots, or mud, and needs to be cleaned* / *покрытые пятнами или грязью и нуждающиеся в чистке*; 2. *(of an activity) dishonest; dishonourable* / *(деятельность) нечестная, бесчестная* [АВВУ Lingvo 6]. Слово «город» становится собирательным, обозначая государственную власть и организацию, деятельность которых далека от того, чтобы быть честной и «чистой».

На когнитивном и образном уровнях восприятия/понимания текста автор обнажает губительность человеческих действий: по отношению к окружающей среде, друг к другу. Утрата «чистоты» сигнализирует утрату честности людьми, а на глобальном уровне текста, построенного по принципу реверсивного монтажа, и честности представителей судебной власти. Уточняющая ремарка автора «and dirty», представленная в графических скобках, становится максимально выраженной, доминантной семантической компонентой предложения. Синтаксические знаки-сигналы, заключенные в рамочные конструкции (тире, скобки), – лингвоситуативные средства фокусирования внимания на особо важных смыслах и значениях.

Услужливость представителей судебной власти в романе подается автором в саркастически гиперболизированном ключе: *“Several members of the bar are still to be heard, I believe?” says the Chancellor with a slight smile. Eighteen of Mr. Tangle’s learned friends, each armed with a little summary of eighteen hundred sheets, bob up like eighteen hammers in a pianoforte, make eighteen bows, and drop into their eighteen places of obscurity. “We will proceed with the hearing on Wednesday fortnight,”*

says the Chancellor. For the question at issue is only a question of costs, a mere bud on the forest tree of the parent suit, and really will come to a settlement one of these days. The Chancellor rises; the bar rises; the prisoner is brought forward in a hurry; the man from Shropshire cries, “My lord!” [Dickens 2018: 15] / – *Мы должны выслушать еще нескольких адвокатов, не правда ли? – говорит канцлер с легкой усмешкой. Восемнадцать ученых собратьев мистера Тенгла, каждый из которых вооружен кратким изложением дела на восемнадцати сотнях листов, подскочив, словно восемнадцать молоточков в рояле, и, отведав восемнадцать поклонов, опускаются на свои восемнадцать мест, тонущих во мраке. – Мы продолжим слушание дела через две недели, в среду, – говорит канцлер. Надо сказать, что вопрос, подлежащий обсуждению, это всего лишь вопрос о судебных пошлинах, ничтожный росток в дремучем лесу породившей его тяжбы, – и уж он-то, несомненно, будет разрешен рано или поздно. Канцлер встает; адвокаты встают; арестанта поспешно выводят вперед; человек из Шропшира взывает: «Милорд!»* [Диккенс 1960: 17–18].

В предисловии к роману Ч. Диккенс пишет: «Излагая дело Гридли, я только пересказал, не изменив ничего по существу, историю одного истинного происшествия, опубликованную беспристрастным человеком, который по роду своих занятий имел возможность наблюдать это чудовищное злоупотребление с самого начала и до конца. В настоящее время в суде разбирается тяжба, которая была начата почти двадцать лет тому назад; в которой иногда выступало от тридцати до сорока адвокатов одновременно; которая уже обоилась в семьдесят тысяч фунтов, истраченных на судебные пошлины; которая является дружеской тяжбой и которая (как меня уверяют) теперь не ближе к концу, чем в тот день, когда она началась» [Диккенс 1960: 6]. Такого рода переключки основного текста романа и предисловия оправдывает онтологическую сущность используемого во фрагменте сравнения-упоминания «bob up like eighteen hammers in a pianoforte, make eighteen bows, and drop into their eighteen places of obscurity», в котором повтор числительного создает дополнительную гротескную окраску ироническому высказыванию. Заметим также, что на когнитивном и образном уровнях восприятия фраг-

мента текста обращение к сфере музыки («восемнадцать молоточков на фортепиано») актуализирует ассоциативно-образное мышление реципиента и создает образ послушного, угодливого, но в то же время суматошливого представителя судебной власти. На когнитивном уровне «обезличивание» мистера Гридли («человек из Шропшира») обуславливает сущность политического устройства и судебной системы страны: элиминируется личность как общечеловеческая и гуманистическая ценность, не учитываются права и свободы отдельного гражданина.

Таким образом, категория эвокативности, реализуемая посредством когнитивно-дискурсивного механизма иронии-как-эха и его специфических языковых средств (метафора-как-эхо, эпитет-как-эхо, сравнение-как-эхо), формируется в процессе сообщения разнородному знанию (из области музыки, банковского дела, медицины) общего эмоционального заряда сферы правовой. Приведенные иллюстрации демонстрируют ироническое и трагическое соположение явлений разных когнитивных сфер: с одной стороны – таких, которые окружают человека в обыденной жизни (природа, музыка, финансовые траты), с другой стороны – судебная система. Это сближение обеспечивается образами грязи и слякоти, противостоящими представлению о необходимой нравственной чистоте судебной власти; образами размеренно выполняющих свои бесконечные функции бессердечных чиновников-фортепьянных молоточков, работа которых лишь затягивает, но не решает судебные дела; образами ростков-финансовых издержек, затягивающих героев в дремучий лес судебных разбирательств, из которого нет выхода. Посредством сочетания специфических языковых средств (*in a general infection of ill temper / поголовно заразившись раздражительностью, adding new deposits to the crust upon crust of mud / добавив новые вклады в ту же скопившуюся – слой на слое – грязь, armed with a little summary of eighteen hundred sheets / каждый из которых вооружен кратким изложением дела на восемнадцати сотнях листов, bob up like eighteen hammers in a pianoforte / подскокив, словно восемнадцать молоточков в рояле, a question of costs, a mere bud on the forest tree of the parent suit / вопрос о судебных пошлинах, ничтожный*

росток в дремучем лесу породившей его тяжбы) концептуальные смыслы, характеризующие правовую систему того времени (в т. ч. представленные метафорическими моделями «суд – война», «раздражительность – болезнь», «судебное разбирательство – нечестное банковское дело» и под.), встраиваются в сознание реципиента, в его привычную картину мира. Ироническая природа гибридного текста, «включенность» разных типов социально-языкового сознания в декодирование информации, виртуозно выстроенная аргументативная дискурсивная стратегия автора обуславливают эвокативную сущность интердискурса и текста как его репрезентанта. Процесс эвокации – транслирование нового или уже известного, но маркированного индивидуально-авторским видением ситуации – подчинен желаемому эвокационному усилию реципиента и результату этого усилия – расширению концептуальной картины мира читателя и включению в нее новых концептов (или отдельных характеристик).

Заключение

Диалогическое взаимодействие «человека говорящего» в лице автора романа и «человека слушающего» – реципиента – обусловлено интенцией писателя оказать влияние на концептуальную картину мира своего читателя, сформировать ценностные ориентиры и углубить знание о мало-знакомой правовой сфере. Эвокационная коммуникативная деятельность, осуществляемая в интердискурсе – лингвосоциокультурном пространстве, сформированном на перекрестке полярных дискурсов для реализации прагматических и аксиологических целей, приобретает уникальные характеристики: для автора-эвокатора она становится аргументативной речеповеденческой и духовно-практической деятельностью, для реципиента – рефлексивной, интерпретирующей и позволяющей решать интеллектуальные задачи.

Эвокационная коммуникативная деятельность автора, осуществляемая в русле трансформирования представлений читателя о правовой реальности, находит воплощение в тексте романа, в частности – в категории эвокативности (когнитивном, образно-поэтическом, собственно языковым типам). Когнитивный тип эвокативности, базирующийся на «участном» мышле-

нии автора и реципиента и взаимодействия различных типов социально-языкового сознания, направлен на синтезирование знания и структур, принадлежащих разным концептуальным областям, что обуславливает лингвокреативное познание правовых реалий. Эвокационное когнитивное усилие реципиента, направленное на постижение заложенных в романе скрытых смыслов, позволяет читателю стать осведомленным в вопросах правовой сферы и способным осуществить оценку перспектив общественного развития. В основу образно-поэтического типа эвокативности положен художественный образ как технически репродуцируемое отображение реальности, способствующей эффективному перцептивному погружению реципиента в далекую историческую действительность. Дешифровка визуальных (графических) кодов и декодирование лексико-семантических единств, репрезентирующих глубинную интеграцию полярных концептуальных областей знания и

тщательно продуманную авторскую эвокационную программу, позволяет осуществить действенную отсылку к реальным правовым артефактам и революционизировать сознание аудитории.

Рассмотренные типы эвокативности и порожденная ими саркастически-юмористическая природа романа Ч. Диккенса «Холодный дом» обусловлены функционированием когнитивно-дискурсивного механизма иронии-как-эха – уникального способа трансляции в ироническом ключе новых для реципиента смыслов посредством отсылки к ранее высказанному факту или хорошо продуманному и уже включенному в концептуальную картину мира автора. Типы эвокативности тесно взаимодействуют и реализуются посредством отсылок-упоминаний (метафора-как-эхо, сравнение-как-эхо, эпитет-как-эхо). С помощью эвокативных знаков-сигналов автору удастся «несерьезно» сказать о самом серьезном – общечеловеческих и гуманистических ценностях.

Литература

- Бабенко, Л. Г. Когнитивно-дискурсивный подход в изучении художественного текста / Л. Г. Бабенко // Проблемы межкультурной организации в теории языка и лингводидактике : материалы II Международной научно-практической конференции : в 2 частях. Часть II / под ред. Т. Г. Пшёнкиной. – 2006. – С. 7–9.
- Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2018. – 230 с.
- Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.) / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 880 с.
- Беданоква, З. К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы) : дис. ... д-ра филол. наук / З. К. Беданоква. – Тверь, 2017. – 405 с.
- Беданоква, З. К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З. К. Беданоква. – Тверь, 2018. – 44 с.
- Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – М. : Издательский дом «ЯСК», 2018. – 480 с.
- Будаев, Э. В. Дискурсивный подход к анализу политической метафоры / Э. В. Будаев // Культура и текст. – 2016. – № 1 (24). – С. 5–19.
- Бюлер, К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – Москва : Прогресс ; Универс, 1993. – 501 с.
- Василенко, Т. Н. Новые возможности лингвоэвокационных исследований / Т. Н. Василенко, Ю. В. Ожмегова, Е. А. Савочкина, О. А. Сим, А. А. Чувакин // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 83–95.
- Деминова, М. А. Синтаксические приемы диалогичности в публицистических текстах В. М. Шукшина (риторический аспект) : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Деминова. – Барнаул, 2002. – 154 с.
- Демьянков, В. З. К проблеме ментальных репрезентаций / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 8–16.
- Дзюба, Е. В. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Научный диалог. – 2022а. – Т. 11, № 5. – С. 69–98.
- Дзюба, Е. В. Формально-содержательная организация гибридного художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория

языка. Семиотика. Семантика. – 2022b. – Т. 13, № 2. – С. 433–454. – <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454>.

Диккенс, Ч. Собрание сочинений : в 30 томах. Том 17: Холодный дом: Главы I–XXX / Ч. Диккенс. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 564 с.

Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 268 с.

Инишев, И. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе / И. Инишев // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 184–211.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и порт. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серю ; предисл. Ю. С. Степанова. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.

Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. / А. А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.

Коновалова, М. В. Эвокация в интернет-медиадискурсе : дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Коновалова. – Челябинск, 2016. – 397 с.

Кретов, А. А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2006. – 390 с.

Кривцун, О. А. Эстетика : учебник / О. А. Кривцун. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 434 с.

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации / С. Л. Кушнерук. – М. : Флинта, 2019. – 366 с.

Лукач, Д. Своеобразие эстетического. Том 2 / Д. Лукач. – М. : Прогресс, 1986. – 468 с.

Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.

Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.

Солопова, О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. – М. : Флинта, 2021. – 312 с.

Чувакин, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте. Основы эвокационного исследования : монография / А. А. Чувакин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 138 с.

Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. – М. : Флинта, 2020. – 236 с.

Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 50 с.

АВВУ Lingvo 6 – Электронный словарь. Выпуск : 16.1.3.49. – ООО «Аби продакшн», 2014.

Black, E. Pragmatic Stylistics / E. Black. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 177 p.

Dickens, Ch. Bleak House I / Ch. Dickens. – М. : T8RUGRAM / Original, 2018. – 812 p.

Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22 (2). – P. 133–187.

Dziuba, E. V. Methodological principles of cognitive research of lexical categorization / E. V. Dziuba // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 24 (2). – С. 5–12.

Van Dijk, T. A. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction / T. A. Van Dijk. – Barcelona : Pompeu Fabra University, 2004. – 118 p.

Wilson, D. Irony and the use-mention distinction / D. Wilson, D. Sperber // Radical Pragmatics. – New York : Academic Press, 1981. – P. 295–318.

Wilson, D. Explaining irony / D. Wilson, D. Sperber // Meaning and relevance. – 2012. – P. 123–145.

References

АВВУ Lingvo 6. (2014). Abi prodakshn.

Babenko, L. G. (2006). Kognitivno-diskursivnyi podkhod v izuchenii khudozhestvennogo teksta [Cognitive and Discursive Approach to Studying a Literary Text]. In Pshenkina, T. G. (Ed.). *Problemy mezhkul'turnoi organizatsii v teorii yazyka i lingvodidaktike: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 chastyakh. Chast' II*, pp. 7–9.

Babushkin, A. P., Sternin, I. A. (2018). *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh, ООО «Izdatel'stvo RITM». 230 p.

Bakhtin, M. M. (2012). *Sobranie sochinenii. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Collection of Works. Vol. 3. Theory of Novel (1930–1961)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 880 p.

Bedanokova, Z. K. (2017). *Evokativnost' kak kognitivno-semioticheskaya i recheyazykovaya forma (na primere Rossiiskoi reklamy)* [Evocation as a Cognitive and Semiotic and Speech Form (on the Example of the Russian Advert)]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Tver. 405 p.

- Bedanokova, Z. K. (2018). *Evokativnost' kak kognitivno-semioticheskaya i recheyazykovaya forma (na primere rossiiskoi reklamy)* [Evocation as a Cognitive and Semiotic and Speech Form (on the Example of the Russian Advert)]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tver. 44 p.
- Bühler, K. (1993). *Teoriya yazyka: Rerezentativnaya funktsiya yazyka* [The Theory of Language: Representative Function of the Language]. Moscow, Progress, Univers. 501 p.
- Black, E. (2006). *Pragmatic Stylistics*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 177 p.
- Boldyrev, N. N. (2018). *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and System of Knowledge]. Moscow, Izdatel'skii dom «YaSK». 480 p.
- Budaev, E. V. (2016). Diskursivnyi podkhod k analizu politicheskoi metafory [Discursive Approach to the Analysis of a Political Metaphor]. In *Kul'tura i tekst*. No. 1 (24), pp. 5–19.
- Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Solopova, O. A. (2020). *Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyi povorot* [Political Metaphorology: Discursive Turn]. Moscow, Flinta. 236 p.
- Chuvakin, A. A. (2014). *Smeshannaya kommunikatsiya v khudozhestvennom tekste. Osnovy evokatsionnogo issledovaniya* [Mixed Communication in a Literary Text. The Basics of Evocative Research]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiiskogo universiteta. 138 p.
- Deminova, M. A. (2002). *Sintaksicheskie priemy dialogichnosti v publitsisticheskikh tekstakh V. M. Shukshina (ritoricheskii aspekt)* [Syntactic Techniques of Dialogicity in Journalistic Texts by V. M. Shukshin (Rhetoric Aspect)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul. 154 p.
- Demyankov, V. Z., Kubryakova, E. S. (2007). K probleme mental'nykh reprezentatsii [To the Problem of Mental Representations]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 4, pp. 8–16.
- Dickens, Ch. (2018). *Bleak House*. Moscow, T8RUGRAM / Original. 812 p.
- Dikkens, Ch. (1960). *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 17: Kholodnyi dom* [Collection of Works. Volume 17: Bleak House]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 564 p.
- Dridze, T. M. (1984). *Tekstovaya deyatelnost' v strukture sotsial'noi kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikologii* [Textual Activity in the Structure of Social Communication: Problems of Semasiology]. Moscow, Nauka. 268 p.
- Dziuba, E. V. (2015). Methodological Principles of Cognitive Research of Lexical Categorization. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 24 (2), pp. 5–12.
- Dzjuba, E. V., Ryabova I. Y. (2022a). Kategoriya situativnosti v narrativnoi modeli khudozhestvenno-pravovogo diskursa [Category of Situationality in the Narrative Model of a Literary-legal Discourse]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 11. No. 5, pp. 69–98.
- Dzjuba, E. V., Ryabova, I. Y. (2022b). Formal'no-soderzhatel'naya organizatsiya gibridnogo khudozhestvenno-pravovogo diskursa [Formal and Informative Organization of a Hybrid Literary-legal Discourse]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Vol. 13. No. 2, pp. 433–454. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-433-454>.
- Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual Integration Networks. In *Cognitive Science*. Vol. 22 (2), pp. 133–187.
- Inishev, I. (2012). «Ikonicheskii povorot» v naukakh o kul'ture i obshchestve [“Iconical Turn” in the Sciences on Culture and Society]. In *Logos*. No. 1 (85), pp. 184–211.
- Kibrik, A. A. (2003). *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive* [Discourse Analysis in Cognitive View]. Dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauchn. dokl. Moscow. 90 p.
- Konovalova, M. V. (2016). *Evokatsiya v internet-mediadiskurse* [Evocation in Interent]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Chelyabinsk. 397 p.
- Kretov, A. A. (2006). *Osnovy leksiko-semanticheskoi prognostiki* [The Basics of Lexical and Semantic Prognostics]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 390 p.
- Krivtsun, O. A. (2000). *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Aspekt Press. 434 p.
- Kushneruk, S. L. (2019). *Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: opyt sopostavitel'nogo issledovaniya reklamnoi kommunikatsii* [Cognitive and Discursive World Modeling: Experience of Contrastive Research of Advertising Communication]. Moscow, Flinta. 366 p.
- Serio, P. (Ed.). (1999). *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of Sense: French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress. 416 p.
- Lukach, D. (1986). *Svoeobrazie esteticheskogo. Tom 2* [Peculiarities of the Aesthetic. Vol. 2]. Moscow, Progress. 468 p.
- Pivoev, V. M. (2000). *Ironiya kak fenomen kul'tury* [Irony as a Phenomenon of Culture]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU. 106 p.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka* [Semantic and Cognitive Analysis of Language]. Voronezh, Izdatel'stvo «Istoki». 250 p.
- Shilikhina, K. M. (2014). *Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyi, semanticheskii i pragmaticheskii aspekty* [Discursive Practice of Irony: Cognitive, Semantic and Pragmatic Aspects]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh. 50 p.

Solopova, O. A. (2021). *Diakhronicheskaya sopostavitel'naya metaforologiya: issledovanie modelei budushchego v politicheskoy diskurse* [Diachronic Contrastive Metaphorology: Research of Models of the Future in Political Discourse]. Moscow, Flinta. 312 p.

Van Dijk, T. A. (2004). *Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction*. Barcelona, Pompeu Fabra University. 118 p.

Vasilenko, T. N., Ozhmegova, Yu. V., Savochkina, E. A., Sim, O. A., Chuvakin, A. A. (2007). Novye vozmozhnosti lingvovokatsionnykh issledovaniy [New Opportunities of Linguo-epithet Research]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 83–95.

Wilson, D., Sperber, D. (1981). Irony and the Use-Mention Distinction. In *Radical Pragmatics*. New York, Academic Press, pp. 295–318.

Wilson, D., Sperber, D. (2012). Explaining Irony. In *Meaning and relevance*, pp. 123–145.

Данные об авторах

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

E-mail: elenacz@mail.ru; dzyuba_ev@spbstu.ru.

Рябова Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, к. 304.

E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru.

Дата поступления: 22.07.2023; дата публикации: 31.10.2023

Authors' information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the High School of International Relations of the Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia).

Ryabova Irina Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 22.07.2023; date of publication: 31.10.2023

«ЕСТЬ НЕЧТО НЕЗЫБЛЕМОЕ... СВОБОДА МЫСЛИ И СОВЕСТИ»: К 90-ЛЕТИЮ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ БУНИНА

IN MEMORY OF A MASTER OF WORDS

Galina Petkova¹

Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1002-5183>

In 2023, the literary world celebrates the memory of the outstanding master of the Russian word I. Bunin. The section of the journal "Philological Class" dedicated to the writer's Nobel anniversary includes articles that suggest an interpretation of Bunin's work through the prism of critical reception, poetics, literary contactology and comparativism. The rubrication of the section and the sequence of works in it correspond to these perspectives.

The articles by G. Petkova (Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria) "**The Development of the Literary Reputation of Bunin**" and "**Bunin's Reception after the Nobel Prize**" reveal the critical reception of the Russian writer in Bulgaria from 1903 to 1943. As a result of source and archival work, 69 titles were identified and 67 of them were analyzed. This number, in addition to texts by Bulgarian critics and scholars, includes articles and reviews published in Russian in emigrant publications in Sofia and the province or translated into Bulgarian from other languages. Most of the reviews are introduced into the scholarly circulation for the first time, thus filling the lacunas in the bibliographic descriptions of the studies of Bunin's oeuvre. A review of the responses shows that, thanks to the critical reflection in the first half of the twentieth century, the future Nobel laureate turned from a little-known writer into a popular and widely studied Russian author in Bul-

garia, who gradually entered the canon of school and university teaching of Russian literature. The whole array of reviews, commentaries, reports, and scientific communications is interpreted as a single text that combines different tendencies in the perception of Bunin's work, designated as aesthetic (literary studies proper), Slavophile, and sociological. The reception in Bulgaria corresponds with the assessments of Bunin in other European countries, and the critical responses contain observations on Bunin's artistic world that have not lost their significance even today.

In addition to introducing a large amount of information and source material that is part of the Slavic-speaking reception of the Russian writer, the section presents research texts analyzing specific aspects of Bunin's poetics. N. V. Prashcheruk (Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia) in her article "**Heterotopia of the Estate in I. A. Bunin's Prose**" considers the interpretation of the Russian noble nest proposed by I. A. Bunin on the material of the story "The Passion" (1897) and the autobiographical novel "The Life of Arsenyev" (1933). The author proves that, relying on the multidimensional depiction of the estate topos in his early work, in his main work "The Life of Arsenyev" the writer recreates the whole estate world through which the face of Russia, beyond the control of historical time and metaphysically transformed, emerges.

In the Russian literary life of the twentieth

---

¹ Petkova G., Guest Editor, PhD, Associate Professor, Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Sofia, Bulgaria).

century, Bunin was not only an unattainable authority of the word. His prolific presence stimulated the creative intentions of his contemporary readers, who became literary writers themselves and created their own works. From the point of view of this special dialogue, the following two works are very interesting, examining the influence that Bunin had on the literary production of the Russian emigration in its individual centres. In her article **“I. Bunin’s *The Temple of the Sun in M. Shcherbakov’s Collection of Poems Time Off*”**, E. Yu. Kulikova (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia) explores the collection of poems by the emigrant poet, writer and translator Mikhail Shcherbakov *“Time Off”* (Shanghai, 1944), identifying various sources of its creation and its literary connotations. Among them the main role belongs to I. Bunin’s book of lyrics and essays *“The Temple of the Sun”* (Petrograd, 1917). On the example of the poem *“Japanese Temple”* the author analyzes in detail and proves Bunin’s influence on Shcherbakov’s poetry (ekphrasis technique, rhythmic choice, rhyming).

E. V. Kapinos (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia) in her article **“Under the Influence of I. A. Bunin:**

A. P. Klyagin’s Novella *Mamai’s Treasure Trove*” presents the story of the Russian engineer and entrepreneur A. P. Klyagin *“Mamai’s Treasure Trove”* (Paris, 1948). Not being a professional writer, A. Klyagin created his work under the influence of Bunin’s lyric poetics. The author shows how this influence is manifested at the level of composition, repeating the model of the novel *“The Life of Arsenyev”*; at the level of plot, referring to Bunin’s invariant plots about unfulfilled love; and on the plane of stylistic diversity, it incorporates folklore legends and reveals Russian spiritual life. As a result, Klyagin’s historiosophical narrative preserved pre-revolutionary Russia and became part of the debate about its fate.

The published articles testify not only to the filling of still existing gaps in Bunin studies, but also to the development of its internal analytical paradigms. The stabilisation of promising areas in Bunin studies and the systematization of all the knowledge accumulated by literary criticism raise the question of their consolidation in the publication of an independent Bunin Encyclopedic Dictionary. Such a book should take into account the professional labour of various scholars and become an institution that preserves the memory of the outstanding master of the Russian literary twentieth century.